

А. Н. ПЫПИН

Екатерина II и Монтескье

В своих мемуарах — именно в их части, еще не изданной ¹ — императрица Екатерина рассказывает, как в своей ранней юности, — ей было тогда четырнадцать лет, — она узнала в первый раз шведского графа Гилленбурга. Екатерина со своей матерью гостила тогда в Гамбурге у бабушки, которая — в девичестве принцесса Баден-Дурлахская — была вдовой герцога Гольштейн-Готторпского, епископа Любекского. Семейные и политические отношения были таковы: старший сын этой вдовствующей герцогини и старший брат матери Екатерины был принц-епископ Любекский, — он же был опекуном герцога Карла-Петра-Ульриха, который по смерти отца, Карла-Фридриха Шлезвиг-Гольштинского (по матери — племянника Карла XII, и женатого на дочери Петра I), становился одновременно претендентом на два северные престола, шведский и русский. По дипломатическому соглашению России со Швецией, затруднительность или прямая невозможность этого двойного наследства была разрешена так, что когда русское наследство было предоставлено Карлу-Петру-Ульриху (потом Петр III), на престол шведский предоставлено было избрать его опекуна, принца-епископа Любекского, другого принца Гольштинского дома. Действительно, в 1739 г. Карл-Петр-Ульрих отказался от шведского престола, принял греко-русское исповедание, получил имя Петра и объявлен был наследником русского престола и преемником имп. Елизаветы, с титулом великого князя.

В один из приездов матери Екатерины (вместе с дочерью) в Гамбург, кажется, в 1743, там именно ожидали прибытия шведского посольства, которое должно было окончательно призвать в Швецию принца-епископа Любекского: «он был избран

наследником шведского престола, или, вернее, статья мирного договора России со Швецией делала этого принца наследником шведской короны». Действительно, многочисленное шведское посольство прибыло в Гамбург; принц уехал с ним в Швецию, простившись с семейством, которое видел в последний раз... В составе посольства был и граф Гилленбург.

Императрица рассказывает дальше, что со времени этой поездки в Гамбург мать стала обращать на нее больше внимания, чем прежде. Одной из главных причин перемены был этот граф Гилленбург.

В это время «он каждый день бывал в доме бабушки» (повторим, что это была мать призываемого в Швецию наследника престола) «и имел возможность ближе познакомиться с моей матерью и со мной; он видел, что мать не обращала на меня особенного внимания; однажды он сказал ей: “madame, вы не знаете этого ребенка; я ручаюсь вам, что у нее гораздо больше ума и способностей, чем вы думаете; прошу вас, обратите на нее больше внимания, чем вы делали это до сих пор; она заслуживает того во всех отношениях”. Этот граф Гилленбург не переставал воспитывать мою душу всеми лучшими чувствованиями и самыми высокими нравственными правилами, какие только можно внушать молодым людям; я жадно это схватывала и себе усваивала».

Видимо, это был просвещенный человек того типа XVIII столетия, какой стал тогда распространяться под влиянием уже начавшегося «философского» направления: оно обращалось на вопросы нравственные, а так же вопросы общественные, образовывало людей с определенными убеждениями, внушало не только личную твердость в этих убеждениях, но и стремление дать им силу в общественном применении.

После встречи в Гамбурге, другая встреча произошла в Петербурге, в 1745. Тем временем Екатерина, в качестве Ангальт-Цербстской принцессы, была приглашена с матерью в Россию, где она должна была стать невестой великого князя, который уже раньше был вызван в Россию, как наследник престола. В 1745 г. двор жил в Москве.

«К концу нашего пребывания в Москве», — пишет Екатерина в других, более известных ее мемуарах², — «прибыло шведское посольство, во главе которого находился сенатор Цедеркрейц. Немного времени спустя прибыл также граф Гилленбург, с извещением к императрице о браке шведского королевского принца,

брата моей матери, с одной прусской принцессой. Этот граф Гилленбург был нам знаком; мы видели его в Гамбурге, куда он приезжал со многими другими шведами во время отъезда королевского принца в Швецию. Это был человек большого ума; он уже не был молод, и моя мать оказывала ему большое уважение; что касается меня, я была ему некоторым образом обязана, потому что в Гамбурге, видя, что моя мать почти или совсем не обращала на меня внимание, он сказал ей, что она была неправа и что несомненно я была ребенок гораздо выше своего возраста. Приехав в Петербург, он пришел к нам и как в Гамбурге он всегда мне говорил, что у меня складка ума очень философическая, он спрашивал меня, как идет моя философия в том вихре, в котором я находилась; я рассказала ему, что я делала в своей комнате. Он сказал мне, что философ в пятнадцать лет еще не может знать самого себя и что я окружена была такими подводными камнями, что надо было очень опасаться, чтобы я не подверглась крушению, если только моя душа не была самым высоким образом закалена; что нужно питать ее самым лучшим чтением, какое только возможно, и для этого он рекомендовал мне жизнеописания знаменитых людей Плутарха³, жизнь Цицерона и “Причины величия и упадка римской республики” Монтескье⁴. Я тотчас послала за этими книгами, которые с трудом можно было тогда найти в Петербурге, и я сказала ему, что я сделаю ему свой портрет, как я себя знала, чтобы он мог видеть, знала я себя или нет. Действительно я написала свой портрет, который назвала “Портрет философа в 15 лет”, и отдала ему. Много лет спустя, а именно в 1758, я нашла это сочинение и была удивлена глубиной знания самой себя, какое в нем заключалось. К сожалению, я сожгла тогда это сочинение со всеми другими моими бумагами, боясь держать что-нибудь из них у себя в комнате, во время несчастного дела графа Бестужева⁵. Граф Гилленбург через несколько дней возвратил мне мою рукопись; я не знаю, списал ли он себе копию. Он сопровождал мою рукопись несколькими страницами размышлений на мой счет, которыми он старался укрепить во мне как возвышенность души и твердость, так и другие качества сердца и ума. Я много раз перечитывала написанное им; я прониклась его словами и положила себе серьезно следовать его советам. Я дала себе это обещание, и когда я себе что-нибудь обещала, я не помню, чтобы когда-нибудь этого не исполнила. Потом я возвратила графу Гилленбургу его рукопись, как он меня просил, и признаюсь, что

он много послужил к тому, чтобы образовать и укрепить склад моего ума и моей души».

Этот рассказ является в разных отношениях любопытным эпизодом и в истории имп. Екатерины, и в истории русского общественного просвещения. Правительницей русской империи предстояло быть принцессе мелкого немецкого двора; ее нравственно-философским руководителем привелось быть шведскому графу, который направил ее к сильнейшему нравственно-философскому и общественно-политическому движению того времени, главным очагом которого была французская литература. Граф Гилленбург прямо указывал ей на Монтескье. Такие пути потребовались между прочим для культурного русского развития, в котором имп. Екатерина имела такую сильную, влиятельную роль.

Монтескье (1689—1755) в эти годы был еще только автором «Персидских писем» (1721) и «Причин величия и упадка римской республики» (1734); еще готовился «Дух законов» (1748). Но две первые книги, особенно вторая, людям серьезным указали в Монтескье глубокого мыслителя, который искал раскрыть в судьбе человеческих обществ или государств основные мотивы их исторического бытия, найти законы явлений и, наконец, извлечь из этих сознательных исторических изучений и указания для более или менее правильной оценки и постановки учреждений, действующих на политическую жизнь в обществе в настоящее время.

Наконец, появление главного труда Монтескье, «*Esprit des Lois*», было настоящим событием, не только во Франции, но во всей просвещенной Европе: везде книга была переведена, и в особенности она была высоко оценена в Англии, потому что в первый раз для самих англичан объяснила глубокое значение их представительных учреждений. Впечатления книги во французском обществе так описывал Рейналь⁶ в письме к просвещенной немецкой герцогине Луизе-Доротее: «Во Франции нет изучений более заброшенных, чем изучение публичного права. Немногие сочинения, какие у нас есть об этом предмете, очень плохи, и если бы даже они были хороши, их бы не читали. Нужно было очень большого человека и, что еще важнее, человека в моде, чтобы изменить в этом вкус нации. Президент Монтескье совершил теперь эту перемену, его книга, под названием “Дух Законов”, изданная несколько месяцев тому назад в Женеве и вскоре тайно перепечатанная в Париже, вскружила голову у всех французов.

Это сочинение можно найти одинаково в кабинете наших ученых и на туалете наших дам и наших светских франтов. Не знаю, будет ли этот энтузиазм продолжителен, но несомненно, что он не может идти дальше». Известный Мельхиор Гримм⁷ (лет десять спустя ставший ревностным корреспондентом импер. Екатерины) в 1756 писал в своей Переписке: «Дух Законов произвел совершенный переворот в духе нации. Лучшие головы в последние семь или восемь лет посвятили себя объяснению политических вещей. Правительственные дела стали теперь предметом философских толков, и если не в действительности, то в науке политики мы уже можем теперь равняться с англичанами».

Нам нет надобности останавливаться на подробностях книги Монтескье. Сочинение о причинах величия и падения Рима и «Дух Законов» были у нас переведены еще в конце XVIII и начале XIX-го века; потом «Дух Законов» был переведен еще раз и наконец явился в новейшем переводе с обширным комментарием М. М. Ковалевского, 1900. Для цельного знакомства с личностью знаменитого писателя, в нашей литературе есть перевод прекрасной книги о Монтескье, Альберта Сореля, 1898⁸.

Суровый Шлоссер⁹, в его строгих суждениях об обществе, правительствах, политических деятелях, «философах» XVIII-го века, выделяет великие достоинства Монтескье, указывает во многих случаях его глубоко справедливые мысли о разных вредных и ложных законодательных положениях и общественных понятиях того времени. Он находил, что «непосредственное действие “Духа Законов” в Германии и во Франции было не очень значительно»: «в обеих этих странах слишком привыкли презирать народ и считать преступлением мысль о государственных делах со стороны частного человека, так что не могли думать ни о конституции, ни о свободе», — хотя, как мы видели, уже в то самое время книга Монтескье произвела большое впечатление во французском обществе. Далее Шлоссер указывает, что позднее Монтескье стал, однако, оракулом для историков и политиков, как во Франции, так и в Германии, что к его авторитету прибегало потом и феодальное дворянство против демократии. Сорель особо останавливается на разнообразном «потомстве» Монтескье в эпоху революции и после, во времена реставрации: разные партии и взгляды искали у него аргументов в свою защиту...

Это появление «потомства» Монтескье, как выражается Сорель, указывало именно на богатство идей и историко-политических со-

ображений, собранных в двух знаменитых книгах. Основа учений Монтескье заключалась именно в том, чтобы в массе событий, в разнообразии учреждений, в изменчивой судьбе государств, найти какую-либо путеводную нить, — если она существовала. Уже в те времена вопрос о существовании истории ставился сильными умами, и если с одной стороны он решался провиденциальной теорией Боссюэта¹⁰, с другой — он вызвал теории скептические, которые приписывали ход истории, судьбы государств и народов простому сцеплению случайных обстоятельств. Когда Монтескье поставил вопрос о причинах величия и потом упадка Рима, он с первого раза отверг случай, а в «Духе законов» все исследование посвящено определению общих причин, создающих судьбу народов и учреждений. Эти причины — физические и нравственные: с одной стороны условия природы, в каких живет народ, климат, почва и т. д.; с другой — склад характера, нравы. Так он находит три основные формы правления, сложившиеся у народов: республика, представительная монархия и деспотия. Шлоссер в следующих словах указывает, «каким образом эти формы представлены здесь большой публике». «Республика блестит как недосягаемый идеал; основание ее есть чистая добродетель, принцип ее любовь к совершенному равенству. Конституционная монархия является как последнее прибежище наших европейских племен как они есть и как могут быть, так как им недостает той добродетели, которую Монтескье добродушно признает за некоторыми древними республиками; принцип этой государственной формы составляет, по его мнению, честь. Напротив, деспотия, свойства которой, по положительным словам Монтескье, всего больше встречаются в абсолютно-монархических военных государствах континента, есть язва человечества, причина испорченности и вред для нравов; принцип ее есть страх».

Строгий критик, Шлоссер, как можно заметить в приведенной цитате, не считает труд Монтескье безупречным, — принимая даже во внимание тогдашнее состояние исторических знаний. Он отдает всю похвалу честному гражданину, просвещенному мыслителю, смелому публицисту, — но находит немалые недостатки у научного исследователя... В свое время эти недостатки указывались. Шлоссер смеется над Вольтером, который упрекал Монтескье в поверхностных суждениях, когда в своих исторических сочинениях был так поверхностен. Но были и более серьезные судьи: основательный ученый, глубокий знаток древних

языков, Кревье¹¹ — «во всякое другое время был бы страшным противником Монтескье». «В большей части случаев, он был бесспорно прав: но голос публики, которая не обращала никакого внимания на ученость Кревье, была за Монтескье. Кревье не без основания упрекал прославленного писателя в тщеславии, фразерстве, в недостатке основательных сведений... Но вместе с тем Кревье брал под защиту устаревшее правительственное устройство и устаревший общественный порядок: он хотел спасти и защитить такие религиозные и государственные формы, какие не могли спастись. Подобный род школьной учености, естественно, должен был замолкнуть перед голосом света»...

Но без сомнения он должен был бы замолкнуть и перед голосом истинной науки. Какие бы ни были частные фактические ошибки, когда они были, эти ошибки не изменяли цельной широкой постановки исторического и политического сооружения Монтескье, и новейшие историки видят в нем именно одного из великих начинателей, или даже первого начинателя современной историографии.

Так смотрит на него Альберт Сорель, в пределах французской историографии.

И здесь, правда, сказался еще раз тот исторический скептицизм, о котором мы выше упоминали. Выразителем его явился Сент-Бев¹².

«Он соглашается с Монтескье только на половину и с бесчисленными ограничениями, — говорит о нем Сорель. — Именно в его сочинениях можно найти в самой мягкой форме наиболее существенные возражения, какие были сделаны Монтескье... Сент-Бев много раз обращался к Монтескье, подходил к нему со всех сторон... Человек его пленяет, писатель очаровывает, сочинение тревожит, историк приводит в нетерпение, законодатель ставит в тупик».

«Как законодателя, Сент-Бев упрекает Монтескье в том, что он слишком много жертвует декорации мира и человеческому уважению, довольно мягко говорит о первоначальной, всегда скрытой злости человека, слишком скрывает под общественной драпировкой людскую одежду, т. е. рубище... Сент-Бев видит, что в великой политической гигиене оптимизм является условием и душой всякого предприятия. Как руководить человеком, если не считаешь его способным быть руководимым к совершенствованию?..»

«В истории Сент-Бев находит, что Монтескье слишком пренебрегает непоследовательностью людей и капризами судьбы. Монтескье, по его мнению, слишком все упрощает и представляет все слишком симметрично; он оставляет в стороне случайности; изолирует известные эпизоды, соединяет их и влагает в них подобие разума, которого они никогда не имели; считается только с событиями, принесшими свои следствия, пропуская все те, которые не имели успеха; из тысячи форм, которые могло принять событие, выбирает только одну, ту, которая осуществилась на самом деле; проходит мимо неожиданностей; не знает “правды интриги и человеческого маскарада”... Великие перевороты и великие победы являются (по мнению Сент-Бева) делом бессознательных актеров; все сводится здесь к волнениям неизвестных слепцов, которые копошатся в тени»...

Дальше мудро и скептически идти в исторический скептицизм. Сорель указывает опровержение его в словах Монтескье по поводу такого же отрицания (еще в XVIII веке) исторической причинности: «случайность не имеет подобного рода постоянства».

«Это верно в явлениях исторических, как и явлениях физической природы, — продолжает Сорель: — один случай не может произвести того, чтобы при тождественных условиях явления повторялись и сменяли друг друга. Эта смена имеет свои законы: факты не нагромождены друг на друга и не изолированы; они держатся друг за друга, они имеют свою связь. Случай распоряжается только формой событий»... «Общая причина влечет за собой все частные случаи». Это именно и является причиной того, что если бы не явился Цезарь, то другой занял бы его место. Монтескье никогда не выражал этого лучше, чем в следующем примере: «Восстановление республики (в древнем Риме) было так невозможно, что случилось то, что никогда еще не было видано: не было уже тирана, и все-таки не было более свободы, потому что причины, уничтожившие ее, все время продолжали существовать».

«Между Монтескье и Паскалем¹³, — продолжает Сорель, — излишком человеческой иронии и бездной рассудка, уничтожающегося в самом себе, существует середина для знания, мысли и здравого смысла: это — место Монтескье. Он прежде всего — честный общественный человек и честный политик, которому ничто человеческое не чуждо, который стремится к познанию самого себя с целью познать других и к тому, чтобы

познакомить людей с условиями их существования с целью научить их сделать его более сносным. Его сочинения не утрачивают своего значения, потому что они исторические и потому, что основываются на наблюдении над природой. Его общие взгляды справедливы, это главное; что касается ошибок в деталях, то они не имеют важного значения. Вильмен¹⁴ очень хорошо сказал: «В сочинениях подобного рода эти ошибки стоят не больше дробей в больших сметах». Монтескье оставил нечто лучшее, чем правда: метод, который позволил развить его мысль и применить ее к случаям, которых он не мог предвидеть. Он оказал глубокое и продолжительное влияние на свое время; он еще исполнен поучительности и для нашего времени. Его имя связано с большей частью лучших реформ, которые мы произвели в течение века. Он представляет наш национальный дух в том, что есть в нем наиболее точного, наиболее широкого, благородного и мудрого».

Таков был писатель, которого граф Гилленбург рекомендовал юной принцессе: мы видели, как она ценила своего руководителя, и нет сомнения, что она читала «*Les causes de la grandeur et de la décadence*». Как выше замечено, в это время еще не был издан «*Esprit des Lois*»; но опять едва ли сомнительно, что книга, о которой поднялись такие оживленные толки не в одной французской, но и в целой европейской литературе, не миновала рук будущей императрицы. Определенных сведений об этом пока нет, и отношение имп. Екатерины к Монтескье выясняется для нас уже только в шестидесятых годах XVIII века, через двадцать лет после того, как она в первый раз познакомилась с этим писателем... В переписке императрицы между прочим нашлось и было издано ответное письмо ее к графу Гилленбургу от 1766, — письмо которого было доставлено Екатерине его сыном. Ответ был чрезвычайно благосклонный. В письме Гилленбурга она «с удовольствием увидела те же знаки внимания, какие он оказывал ей больше двадцати лет тому назад»; она говорила, что многие соотечественники графа могли ему повторить, что ей всегда хотелось знать обо всем, что его касается; она очень многим ему обязана — «и если я имею некоторые успехи, то и вы в них участвуете, так как развили во мне желание достигнуть до

совершения великих дел»*. Одно из «обязательств» (obligations), какие она здесь предполагала, было то, что Гилленбург первый указал ей на Монтескье, который в эти годы был для нее величайшим авторитетом.

Много раз поминается имя Монтескье в переписке императрицы именно за первые шестидесятые годы, во время работы над «Наказом»¹⁵. Приводим несколько цитат, которые укажут ее отношение к великому французскому писателю.

В первой половине 1765 года, отвечая на письмо д'Аламбера (от апреля), она говорит очевидно о «Наказе», над которым тогда работала: ...«Давно я собиралась писать вам, так как некоторым образом была вам должна ответом. Я хотела прибавить к этому некоторую тетрадь, но требовалось время, чтобы сделать ее разумною (raisonnable), и притом она еще не кончена. Если вы ее одобрите, я буду довольна. Вы увидите там, как я на пользу моей империи обобрала президента Монтескье, не называя его; я надеюсь, что если с того света он видит мою работу, он простит мне этот плагиат для блага двадцати миллионов людей, которое должно отсюда произойти. Он слишком любил человечество, чтобы оскорбиться этим; его книга есть мой молитвенник».

В 1766, «Наказ» был сообщен Гр. Орловым, в числе других лиц, Василию Баскакову¹⁶ и известному А. П. Сумарокову¹⁷. Оба написали свои замечания: первым императрица осталась очень довольна, но не вторым. К замечаниям его имп. Екатерина приписала: «Господин Сумароков хороший поэт, но слишком скоро думает. Чтобы быть хорошим законодателем, он связи довольной в мыслях не имеет; чтобы критиковать цепи — для того привязывается к наружности колец, составляющих цепь, и находит, что здесь или там в полире ошибки есть, которых пороков он бы оставил, если бы понял связь»...

Между прочим Сумароков упомянул Монтескье: ...«великие и всей Европой почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескье, но и в нем многое критике подлежит, о чем против его и писано». Екатерина приписала к этому: «Многие критиковали Монтескье, не разумея его: я вижу, что я сей жребий с ним разделяю»**.

* Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Госуд. Архиве и пр. Том II. — СПб. 1872. — С. 157.

** Там же. — С. 83, 84, 87.

В другом письме к д'Аламберу, от 1766 (в ответ на его письмо от августа того года), опять мимоходом упоминание о Монтескье, конечно в связи с «Наказом»: «Уже два года мои главные занятия заключаются в том, что я переписываю и обдумываю принципы президента Монтескье. Я стараюсь понять его и сегодня зачеркиваю то, что находила вчера очень хорошим».

Не останавливаясь еще на нескольких других упоминаниях о «Наказе» в письмах императрицы (напр. к г-же Жоффрен¹⁸), приведем еще несколько слов из письма ее к Фридриху II от октября 1767. Посылая прусскому королю немецкий перевод «Наказа», Екатерина писала: «...Ваше в-ство не найдет там для себя ничего нового, ничего неизвестного... Во всем моего — только распределение предметов по статьям, и в разных местах то строчка, то слово: если бы собрать все, прибавленное здесь мною, я не думаю, что вышло бы больше двух, трех листов. Большая часть извлечена из Духа Законов, президента Монтескье, и из сочинения О преступлениях и наказаниях, маркиза Беккариа»^{* 19} ...

Новейшие исследования собрали не мало прямых сличений «Наказа» с текстами Монтескье и Беккариа, указывали влияние некоторых других писателей (напр. Мерсье де ла Ривьера²⁰), считывали по статьям, какому из авторитетов Екатерины принадлежала большая часть ее труда**, — но достаточно прямых указаний самой Екатерины, чтобы видеть, что главнейшим ее руководителем был именно Монтескье. И это естественно: Монтескье давал целую обширную философскую историю политической жизни народов и законодательства; цель сочинений Беккариа была более тесная.

В автобиографических записках имп. Екатерины о первых годах ее царствования указаны мотивы, которые тогда же убедили ее в необходимости дать русскому законодательству лучший порядок, — и именно порядок рациональный. «И для того я начала читать, потом писать наказ комиссии уложения, два года я читала и писала, не говоря о том полтора года ни слова»... Повидимому, только после она взяла себе сотрудников, говорила с князем Орловым (Гр. Гр.), который «цены не ставил ее работы и требовал часто, чтобы тому или другому оную показать»... Таким

* Сборник И. Р. И. Общества. — Т. XX. — СПб. 1877. — С. 236.

** См. обзор данных об истории «Наказа» в предисловии г. Пантелеева к прекрасному изданию «Наказа» (СПб., 1893. — С. 14—23, 31—53).

образом работа над «Наказом» происходила в самые первые годы царствования. Очевидно, что иначе и быть не могло, потому что самый план был уже действием правительственным. Здесь и началось пристальное и детальное изучение Монтескье и Беккариа.

Как видно из мемуаров Екатерины II, она уже задолго до воцарения предчувствовала, и предвидела, будущую царственную роль. Она и готовилась к ней — пока размышлениями. Сюда без сомнения относятся те заметки, относимые ко времени до 1762 года, которые изданы были в первом томе «Бумаг имп. Екатерины»*.

Мне кажется, что есть еще одно более раннее указание на эти теоретико-политические интересы Екатерины, когда она была еще великой княгиней, и что в этих интересах занимали уже важное место идеи Монтескье.

В 1760, вышла без указания имени автора и места печатания книга под названием «Lettres Russiennes»**. Библиографы, упоминавшие об этой книге, обыкновенно приписывают ее некоему Струбе де Пирмонт, между прочим бывшему во второй половине XVIII века членом петербургской академии наук***. От XVIII века не осталось биографии этого ученого; краткие сведения о нем, — так как он действовал между прочим в России и писал о русских предметах, — даны были в известном Словаре митрополита Евгения****; наконец, если не ошибаемся, первая несколько обстоятельная биография его дана Пекарским по архивным материалам Академии наук*****.

* СПб., 1871 — С. 82—101.

** Lettres Russiennes, MDCCLX. С эпиграфом: Ne dùm tacemus, non verecundiae, sed diffidentiae causa, tacere videamur. Сурриан. 12°. 270 стр. и 1 непом. Errata. — В «Russica» И. Публ. Библиотеки, 1873, см. L 770, S 2889.

*** Lettres Russiennes не указаны, однако, в числе сочинений Струбе в обстоятельном «Лексиконе» Мейзеля: «Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller. Ausgearbeitet von Johann Georg Meusel». 13-й том. Лейпц. 1813, стр. 494—495.

**** Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Издание Москвитянина. М. 1845. II, 184: здесь он назван Струб де Пирмон.

***** История Имп. Академии наук в Петербурге. II. Пекарского. — СПб., 1871. I. — С. 671—689.

Впоследствии архивные материалы, из которых черпал Пекарский, напечатаны были сполна или в извлечении

Интерес книги «Lettres Russiennes» заключается в том, что это — критический разбор «Esprit des Lois», особенно в той его части, где речь касается России, и что этот разбор встретил живейшие возражения имп. Екатерины.

Струбе, или Штрубе, де Пирмонт родился в 1704 и был родом из Ганновера; именно, родиной своей он называл Пирмонт*; хотя он был настоящий немец, он к своей фамилии прибавлял *де*, — такова была мода, и притом он писал почти только по-французски. Он учился в Галле, где, между прочим, его профессором был знаменитый Христиан Томазиус²¹, один из достойнейших немецких ученых первой половины XVIII века, защитник просвещения, веротерпимости и общественной справедливости. От него, вероятно, Струбе перенял вкус к вопросам нравственной философии и естественного права, а также известную немецкую методичность и начитанность. С 1730 года, как говорится в академических документах, он «служил в качестве секретаря, во многих посольствах»** в Вене, Англии и Польше, а затем, опять в качестве секретаря, он долго состоял при герцоге Курляндском, т. е. герцоге Бироне. В эти года началась и его литературная деятельность французскими книжками и брошюрами по дипломатической политике; первую был, кажется, «L'Examen des réflexions d'un patriote allemand au sujet de la garantie de la pragmatique impériale» (в Амстердаме, 1732), по поводу прагматической санкции имп. Карла VI, и потом «La réponse à la lettre de l'auteur des réflexions» и пр. (в Ратисбонне, 1733).

В петербургскую академию Струбе попал в 1738. В протоколах просто записано, что президент академии, барон Корф²², заявил в академическом собрании 4 сентября, что на место выбывшего из академии Бекенштейна²³ назначен им Струбе де Пирмонт, и

ях, в двух изданиях Академии, посвященных ее истории:

— Материалы для истории Импер. Академии наук. Т. III, СПб. 1886, стр. 804—805; гл. IV, 1887, стр. 52, 389, 575, 576 и др. (в указателе); т. V, 1889, стр. 4; т. VI, 1890, стр. 471—472, 474, 608 и др.; т. VII, 1895, стр. 215, 453 и д.; т. VIII, 1895, стр. 124, 142—147, 301, 408 и др.; т. IX, 1897, стр. 87, 126, 156, 597 и др.; т. X, 1900, стр. 56, 83, 85, 94, 103, 121, 125 и д.

— Протоколы заседаний конференции Импер. Академии наук с 1725 по 1803 года. Том I. СПб. 1897; т. II, 1899; т. III, 1900, — о Струбе упоминается в протоколах с 1738 по 1771 год.

* В академических материалах ближайшим образом его родиной указывается Галлершпринг, близ Ганновера.

** Чьих?

11 сентября Струбе был введен президентом в академическое собрание. В заключенном с ним контракте (на пять лет, с 860 р. жалованья) он назван профессором «юриспруденции и политики». Первый труд Струбе, напечатанный при Академии, относится к естественному праву: «Recherche nouvelle de l'origine et des fondemens du droit de la nature», 1740. В том же году ему было поручено «сочинить настоящую историю» из реляций и ведомостей о польских и турецких военных действиях в царствование имп. Анны; он приступил к этой работе, но в следующем году она была прервана, так как ему поручено было состоять секретарем при графе Петре Чернышеве²⁴ в Копенгагене, потом в 1743 — в Берлине. За границей он продолжал ученые работы, писал опять о естественном праве, психологии, составил для академической гимназии логику, — в 1746 г. с ним заключен был новый контракт, где говорилось однако, что «понеже профессия его* не такая, в которой частые должно делать изобретения**) которые бы вносить можно было в Комментарии», то он назначен был секретарем академии: он должен был вести протоколы.

Кроме исполнения своих академических обязанностей, Струбе предлагал какому-то (неизвестному) высокопоставленному лицу, в 1746 г. свои финансовые проекты: в одном предлагалось ввести бумажные деньги (*paperes royaux*) вместо пятикопеечников; в другом — обязательная мужская одежда нового образца, более соответствующая нашему климату и менее дорогая, чем французское платье, и притом полагалось, что носящие новую одежду должны были платить особую пошлину.

В 1748 г. Струбе объявлял курс юриспруденции и также заявлял в академии, что так как невозможно излагать юношеству законы российской империи, если не имеется к тому руководства, то он брал на себя составить «краткое руководство к российским правам»: он надеялся завершить эту работу в два года. В архивных бумагах сохранился реестр глав предполагавшегося сочинения, где указаны общие вопросы права и частные предметы русского законодательства. Для поощрения труда, Струбе назначена была прибавка к жалованью. В библиотеках академии

* Т. е. специальность. Сам Струбе называл себя, в «Русских письмах» (он скоро овладел несколько русским языком), «профессором юрис и политичесес».

** По старым уставам, академики обязаны были делать «инвенции», которые и должны были публиковаться в «Комментариях» (— латинских).

хранится рукопись «Краткого руководства к российским правам» (переводил его академический переводчик Лебедев²⁵), писанная в 1750; в 1753 г., Струбе представил в академическую канцелярию «Гражданских прав часть вторую», — но в конце концов академическое начальство видимо осталось трудом его недовольно, прибавка к жалованью была прекращена — на том основании, что его книга была сочинена «не тем образцом, как он обещался и ее назвал, т. е. кратким руководством, ибо в оной ничего более не учинено, как только что под краткими заглавиями расположены материи и содержания указов, регламентов и прочего во всем их пространстве от слова до слова»... Одним словом, Струбе только собрал под рубрики сырой материал. Академическая канцелярия, не без основания, нашла книгу для юношества «неспособною» и в таком виде ее «в печать произвести за излишне признано»...

В 1754 г. при сенате учреждена была особая комиссия для рассмотрения действующего законодательства и для «сочинения ясных и понятных законов»; в числе восьми членов этой комиссия был и Струбе.

В 1756 г. в конференцию, учрежденную при дворе имп. Елизаветы, был призван Шумахер²⁶, и ему велено было издать при академии французскую газету. Академическая канцелярия поручила это дело Струбе; последний отказывался за болезнью, но должен был взяться за издание. В 1757 г. он снова отказался, и за то был уволен совсем из академии. Он поступил потом на службу в коллегию иностранных дел, где по-видимому оставался до 1775 года, когда за старостью и будучи «непрочен более к делам» получил отставку со значительной пенсией. Год его смерти неизвестен; полагают, что он умер до 1790 г.

Струбе оставил свое имя в русской историографии. Здесь принадлежат ему два сочинения: во-первых, книжка (речь в торжественном собрании академии): «*Sur l'origine et les changements des lois russiennes*», в 1756 г. замечательная как первое исследование по истории русского законодательства. Калачов, в своей книге о «Русской Правде» (1846)²⁷, обратил внимание на то, что Струбе находил уже в древних русских законах большое сходство с древними законами германских народов, в особенности датскими и шведскими, доказывая это примерами и сравнениями. «Для того времени это было в самом деле новым открытием, и

сам знаменитый Шлецер спешил им воспользоваться как доказательством в пользу своего мнения о происхождении Руси»^{*} 28 ...

Вторым сочинением Струбе о русских древностях (и последним изданным его трудом) была книга «Dissertation sur les anciens Russes»^{**}. В предисловии говорится, что автор приступил к этому исследованию уже давно, сорок лет тому назад — т. е. в 1749—50 годах, когда шло следствие о рассуждении Генриха-Фридриха Миллера на ту же тему²⁹. Выводы Миллера казались ему не отвечающими «кратким и ясным показаниям наших летописцев» и известиям иноземных историков, и он предположил «обстоятельнее исследовать пункт, о котором доселе еще спорят», и собрать о нем достоверные сведения. По своему времени исследование Струбе было замечательно: к истолкованию начал древней Руси были привлечены, кроме русской летописи, известия историков византийских, летописи западные, известия и предания народов скандинавских и кельтских.

Наконец, до последних своих трудов Струбе не оставлял своих давних интересов к «естественному праву». Очевидно, здесь он считал себя специалистом. В этом смысле он не мог не обратить особенного внимания на книгу Монтескье, которая произвела тогда сильное впечатление во всей европейской литературе и которая именно примыкала к разысканиям о «естественном праве», когда стремилась объяснить естественными условиями климата, почвы, «нравов» (т. е. сложившегося из решающих первобытных данных народного характера), объяснить особенности самых политических форм и законов. В исследовании этих оснований «Духа законов» Струбе не всегда соглашался с знаменитым писателем. К

^{*} Книжка Струбе была тогда же переведена на русский язык: «Слово о начале и переменах российских законов в торжественное празднество тезоименитства Ее Величества всемилостивейшей государыни императрицы Елизаветы Петровны Самодержицы Всероссийской в публичном собрании Санкт-Петербургской Императорской Академии наук говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году. И переведенное на Российский язык Семеном Нарышкиным. Печатано при Императорской Академии Наук». 4°. 34 стр.

^{**} Par F. H. S. D. P. (4. 76 стр.), 1785. И это сочинение также было переведено на русский язык: «Рассуждение о древних Россиянах, сочиненное Ф. Г. С. Д. П.» (т. е. Фридрихом Генрихом Струбе де Пирмонт). «С французского перевел Лев Павловский. Москва, в Университетской Типографии, у В. Окорокова. 1791». 8°. 7 непом. стр. VIII и 192 стр.

этому общеисторическому разноречию присоединилось и другое. В книге Монтескье находились замечания о форме правления в европейских континентальных государствах, и сколько он сочувствовал английским учреждениям, столько не сочувствовал учреждениям континентальным, где правление он представлял как деспотическое. Монтескье упоминал здесь и о России; а кроме того делал частные замечания об отдельных узаконениях. То и другое вызывало у Струбе более или менее настойчивые опровержения: он хотел исправлять ошибки Монтескье, а в особенности хотел опровергнуть существенную, по его мнению, ошибку в суждениях Монтескье о «деспотизме» и «рабстве» (крепостном праве), насколько то и другое применялось им к России. Первый же пример таких возражений находим уже в упомянутой книжке Струбе: «Слово о начале и переменах российских законов»*.

Полемике против Монтескье посвящены сполна и упомянутые «Lettres Russiennes». Пекарский говорил о них: «книга эта замечательна если не даровитостью и не убедительностью доводов автора, то по цели, которую он преследовал; в “Lettres Russiennes” опровергаются в начале те места знаменитых “Lettres Persannes” Монтескье, в которых говорится о деспотизме и рабстве, а потом следуют доказательства, что в России правление не деспотическое»**. Но это указание на «Lettres Persannes» неверно: намек на них представляет только одно заглавие «Lettres Russiennes», в подражание первым, но самое содержание не имеет к «Персидским письмам» никакого отношения. На первых же страницах книги Струбе, в предисловии издателя, прямо на-

* Он говорит в «Слове», что для исполнения своей задачи думал «последовать некоторым писателям, упомянувшим о законах Российской империи. Но тотчас увидел, что они сами не имея о них довольного понятия не могли описать их ясно, по чему и подражания недостойны». В подстрочном примечании он продолжает: «Я буду доволен, если сообщу здесь один пример, которого никто не уповал бы найти в столь славном писателе, как господин Монтескье». И он приводит из *Esprit des Lois* действительно несколько странные замечания о русских торговых делах, что «вексели... и самая коммерция, противны их законам»... «Нет сего несходнее с истиною, — пишет Струбе, — и видно, что сей писатель мало имел попечения в приобретении себе знания о коммерции и законах сей империи». Он приводит дальше доказательства. «Слово», стр. 2–3.

** История Академии Наук, I, стр. 687. Место печатания книги не указано; Пекарский замечает, что «по шрифту и мелким украшениям легко приметить, что книга вышла из петербургской академической типографии».

зван «*Esprit des Lois*», как предмет полемики; он ярко указан и в первых строках изложения самого Струбе, и к «*Esprit des Lois*» относятся цитаты, которыми книга испещрена. — Да и странно было бы говорить о специально французской сатире, какою были «*Lettres Persannes*», когда уже издан был «*Esprit des Lois*», где и находились подробные толкования политического вопроса.

Книга Струбе имеет форму писем автора к какому-то, вероятно важному, лицу, которое желало его отзыва о некоторых отдельных частностях в сочинении Монтескье. Автор писем относится с великим почтением к знаменитому писателю, «которому ученый мир обязан остроумной системой права и политики»; но автор сожалеет, что этот «превосходный писатель, увлеченный неверными сведениями, дает неудовлетворительное понятие о законах и правительстве империи, которой до сих пор известно только могущество и величие». Автор желал исправить это неудовлетворительное понятие, и так как большая часть неверных показаний связана с представлением, какое Монтескье составил о деспотизме вообще, то автор счел нужным прежде всего с точностью анализировать это представление.

«Автор (Монтескье) дает такое определение тому роду правления, о котором идет речь. “Это такое правление, — говорит он, — где один, без правил и без закона, увлекает все своей волей и своим произволом”. Чтобы живее нарисовать его, он сравнивает его с дурным обычаем дикарей Луизианы, “когда, чтобы иметь плод, они срубают дерево у корня и снимают тогда плод”. Соответственно этим взглядам, он утверждает, что “деспотизм чудовищен, что он причиняет человеческой природе страшные бедствия, и что о нем нельзя говорить без содрогания”».

«Я не буду, — говорит дальше Струбе, — требовать от сочинения, где господствуют соль и цветы, определений, строго отвечающих всем правилам искусства. Я замечу только, что идея, которую Монтескье связывает с деспотизмом, так неясна и обманчива, что когда мы думаем увидеть здесь государства, не имеющие основных законов, которые ограничивают власть государя, мы находим в сущности только те, какие имеют несчастье управляться дурными государями, которых неправильное поведение не имеет ничего общего с формой правления, какое им поручено, и таким образом (это поведение) не могло бы сообщить этим государствам постоянное устройство, какого они не имеют; из чего следует прежде всего, что эта идея, отвечающая действи-

тельно только чудовищам, не приложима ни к какому частному роду или к настоящей форме гражданского правления». Таким образом он исследует далее: «что есть собственно так называемый деспотизм, и есть ли это правление дурное (*vicieux*) само по себе, или только вследствие злоупотреблений, которое оно может причинить». — «Я не так тщеславен, чтобы иметь притязание противопоставить мое перо перу г. Монтескье. Но я и вовсе не отчаиваюсь, что могу сопротивляться огню и очарованиям его риторики простым светом, который чувствую себя в состоянии пролить на предметы, о которых мы думаем различно».

Для объяснения своего взгляда Струбе цитирует древних писателей, новейших путешественников (описания деспотизма в Турции), писателей политических от Бодена³⁰ и Гуго Гроция³¹ до Локка³² и т. д. Ближайшая цель его — устранить нарекания на образ правления в русской империи, который называли также деспотическим и которому это название вовсе не соответствует; разъяснить с точностью, что такое «рабство» и т. п.

Эта полемика против Монтескье вызывала живейшие возражения имп. Екатерины.

В одном драгоценном книгохранилище, где между прочим привелось мне изучать рукописные труды имп. Екатерины, мне встретился такой экземпляр «*Lettres Russiennes*», покрытый на полях (писанными карандашом) замечаниями императрицы. На книге нет никаких указаний на то, когда она была читана, и когда эти заметки могли быть сделаны. Ясно одно, что «*Esprit des Lois*» был уже изучен и был для императрицы высоким авторитетом. Она с видимой нетерпеливостью относилась к «опровергателю» (*refuteur*), между прочим и там, где по-видимому могла бы согласиться с теми возражениями или ограничениями, какие «опровергатель» предлагал относительно выводов Монтескье.

Было бы очень долго излагать сполна аргументацию «*Lettres Russiennes*», которая вызывала, на полях книги, собственноручные возражения императрицы. Мы предпочтем краткие выписки из текста этих «*Lettres*» и приведем под каждой из выписок сполна самые возражения и заметки имп. Екатерины*.

* Возражения и заметки императрицы набираются курсивом под каждой отдельной выпиской. Экземпляры книги Струбе нередки; они имеются в

В первых заметках императрица опровергает возражения «Lettres R.» против того, что говорит Монтескье относительно «рабства». Автор «Lettres» как будто имел в виду отличить «рабство» от русского крепостного права и защитить это последнее:

Стр. 33: Un serf, ce sont ses paroles, ne peut rien faire par vertu; et le maître contracte avec ses esclaves toutes sortes de mauvaises habitudes, et s'accoutume insensiblement à manquer à toutes les vertus morales.

L'insuffisance de cette preuve paroît d'abord...

«Cela est très vrai cependant».

Стр. 34: N'est-il pas bon de se nourrir, de se vêtir, de bâtir des maisons pour se loger? D'ailleurs, comment l'A(uteur, т.е. Montesquieu) pourra-t-il vérifier qu'un serf ne sauroit rien faire par vertu?

«Des maisons des habit(ants) sont bons, mais ne sont pas des vertus. M(ontesquieu) qu'on refute pensoit plus profondement, que son refuteur».

Qu'est ce qui l'empêcherait de cultiver la terre, ou de conduire un troupeau, avec la même fidélité qu'un homme libre peut administrer l'Etat et travailler au bien de la société?..

«Une hirondelle ne fait point d'été, dit-on en Allemand».

Стр. 35: Rome a-t-elle élevé un plus grand nombre d'hommes illustres, depuis que l'esclavage y a été aboli, qu'elle ne l'a fait dans le tems, où cette merveilleuse ville fourmilloit des serfs?

«Illustre et vertueux n'est point synonyme. La peur peut abbatre le crime, mais elle abbat la vertu aussi. Qui n'ose penser, n'ose que ramper».

Стр. 36: C'est la raison, pour laquelle plusieurs savans aussi éclairés que sincères ont fort désapprouvé l'abolition de la servitude dans les États de l'Europe les plus policés.

«Ses (sic) savans choquoient la raison».

Voici comment l'habile M-r de Busbecq³³ s'est exprimé à ce sujet: «Je ne sais, dit-il, si nous sommes fort obligez à celui qui a défendu

l'esclavage parmi nous. La servitude a des utilités qui contrepesent et surmontent peut-estre le mal qu'elle fait endurer, si on la pratiquoit avec justice et douceur, comme les lois Romaines le demandent, etc.

«*Voilà un: peut être de grande conséquence*».

Стр. 44–45: Il me semble assez inutile de prouver ici qu'un homme qui nous attaque injustement, ou qui nous refuse sans raison ce qu'il nous doit, rompt lui même les liens qui l'unissoient avec nous et anéantit ainsi par la propre faute les obligations que nous imposoient ces liens, etc.

(Отчеркнуто на полях: «*Il me semble... imposoient ces liens*»).

Стр. 59: Cela fait assez voir que les Jurisconsultes Romaines en soutenant que la liberté est une chose inestimable, n'ont voulu dire autre chose, sinon que la liberté d'un homme ne pouvant être estimée que par lui-même, ou de son gré, il n'est pas permis aux juges, ou à un tiers, d'en fixer le prix, etc.

«*Verbiage que tout cela*».

Стр. 61: Mais on a déjà fort bien observé que les serfs n'étant en état de nourrir leurs enfans qu'aux dépens de leurs maîtres, et ceux-ci n'étant pas obligés, par un droit parfait et rigoureux, de se mettre en frais pour l'éducation de ces enfans, il dépend d'eux de ne le faire que sous la condition qu'ils leur appartiendront, et que ces pauvres créatures ne peuvent payer un bienfait ou un service de cette nature, qu'en y acquiesçant lorsqu'elle parviennent à l'âge de raison.

«*Voilà de belles suites*».

Стр. 82: Un fauteur de la servitude ne pourroit-il pas renvoyer la bale, en soutenant que la liberté est aussi inutile dans certains pays que dans les autres, parce que tout peut s'y faire par des serfs. Cette raison ne prouve donc autre chose, sinon que la liberté et la servitude des personnes, dont il s'agit ou du bas peuple, sont en elles-mêmes indifférentes à la société, et que tout dépend des moeurs ou des loix, qui peuvent les rendre utiles ou dangereuses dans tous les Etats, où elles existent actuellement.

«*Un ancien Grec ou Romain auroit dit que ce livre est l'opprobre de l'esprit humain, l'éloge de la servitude! Et pourquoi l'Auteur ne ce (sic) vend il pas pour esclave?*»

После объяснения сущности рабства, или собственно после его защиты против Монтескье, автор «Lettres» переходит к его определению политических форм (республика, представительная монархия и пр.) и доказывает, что «добродетель» (по Монтескье специальная принадлежность и особенность республики) может одинаково принадлежать и другим формам правления:

Стр. 168–169: *Après avoir rendu à la vertu la place, qu'elle doit tenir dans les Etats monarchiques, comme dans tous les autres, il me reste à examiner de quel droit l'A[uteur] a exilé l'honneur des Etats absolus, et s'il est vrai qu'il y seroit dangéreux.*

«L'honneur expose les particuliers, non l'état à des dangers, où, il est très aisé de nommer, il n'est pas permis quasi dans un état despotique de ce (sic) plaindre p. e. d'un passe droit ou de refuser telle charge dont on ce (sic) croit incapable».

Qu'on me dise donc quels sont les dangers, où l'honneur exposerait ces Etats? On sent d'abord que les Citoyens n'en auroient rien à craindre; d'autant qu'il ne peut manquer de les rendre meilleurs, par la ressemblance, qu'ont ses effets avec ceux de la vertu. Ce ne sera pas non plus un Chef attentif à la félicité de ses peuples qu'il pourra allarmer. Restent donc les seuls Princes injustes et cruels, à qui il pourroit faire ombrage.

«Ici notre refuteur n'entend absolument pas M(ontesquieu)».

Стр. 170: Je suis bien éloigné de soupçonner Mr. de M. d'avoir voulu prêcher les vices. Mais la manière, dont il s'est exprimé ici, comme en beaucoup d'autres endroits, que je passe pour le présent sous silence, ne fait-elle pas croire que, sans y penser, il s'approche trop d'un Ecrivain si justement décrié? Machiavel³⁴ auroit-il pu donner d'autres leçons à ses Héros?

«Ose-t'on ainsi parler d'un aussi grand homme et ne sauroit on plus dire le pour et le contre sans être exposé à la calomnie? Coute que coute il faut finir l'apologie du Despotisme, chose difficile».

Стр. 171–172: A ce que l'A(uteur) observe sur les récompenses, que peut donner un Prince alsolu, je n'opposerai que le magnifique tableau, que Mr. de Busbecq a fait de la Cour de Soliman³⁵. «La

Cour de ce Prince, dit-il, étoit parfaitement belle. Il y avoit les plus grands Officiers de la couronne. Il y avoit toute la cavalerie et ses gardes, tous les Spahis, Garipiges, Ulufages³⁶ et grand nombre de Janissaires³⁷. Mais dans toute cette troupe de Courtisans l'on ne connoissoit personne que par ses vertus et par ses belles actions», etc.

«Mais où trouvera t'on des Solimans?»

Стр. 173: Je viens à l'observation, que Mr. de M. a faite sur le degré d'obéissance, qu'il suppose dans les Etats despotiques, «où, selon lui, la volonté du Prince doit faire le même effet que fait une boule jettée contre une autre. Il n'y a point de tempérament, ajoûte-t-il, point de modification, de rémontrances, rien d'égal, ou de meilleur à proposer», etc.

«Par conséquent point de réparation d'honneur, donc l'honneur s'éteint».

Стр. 178: Qui pourroit donc s'imaginer que le pouvoir des Rois de Perse ait été, ou soit encore actuellement plus borné que celui de tous les autres Princes absolus, par rapport à la revocation de leurs ordres ou de leurs arrêts?

«On pourroit donner pour règle à ces Princes bien penser avant que de publier, mais ne jamais revoquer».

Стр. 177–178 (примечание): «C'est une absurdité que de s'imaginer, que ceux qui ont l'autorité de faire des loix, ne puissent aussi en suspendre quelcune, quand le bien le demande. Sans ce pouvoir tout Gouvernement seroit défectueux, et n'auroit ni la force ni les moyens de se conserver».

«Mais jamais par caprice».

Стр. 181–182: Le meme Roi (Darius)³⁸ ayant ordonné de faire mourir un juge, qui s'étoit laissé corrompre, et s'étant souvenu des services importans, que ce juge avoit rendus à l'Etat, revoqua ses ordres dans le moment même qu'ils alloient être en exécution.

«Voilà une misérable querelle».

Стр. 182–183: Il y a quelque chose, dit-il, qu'on peut quelquefois opposer a la volonté du Prince: c'est la Religion. Dans les Etats monarchiques, ajoûte-t-il, on n'ira point lui alléguer les loix de la

Religion: «un Courtisan se croiroit ridicule». On lui alléguera sans cesse celles de l'honneur.

«*Adieu l'honneur*».

N'est-ce dons pas assez de pouvoir alléguer loix de la Religion a un Prince qui la respecte.

Стр. 183 (примечание): C'est sans doute parce que ce n'est pas le metier d'un Courtisan de prêcher les Princes. Mais leurs Aumoniers et leurs Confesseurs pourroient-il leur proposer les loix de l'honneur, sans se rendre ridicules à leur tour?

«*Non*».

Стр. 184: Seroit-on plus heureux dans les Etats, où les Souverains n'écouteront que les loix de l'honneur, par lesquelles Mr. de M. n'entend lui-même que celles qui peuvent être connues aux Courtisans.

«*Pourvu qu'il écoute importe*».

Стр. 187: Suffit-il pour conserver la liberté des peuples que les Ministres aient assez de finesse pour leur cacher leur véritable état, et ne soient pas les premiers à leur montrer les chaines, qu'ils leur font porter? Si cela étoit, Mr. de M. auroit rendu un très mauvais service à sa patrie en lui révélant un secret, qu'il lui importoit d'ignorer.

«*Begueries*».

Стр. 190 (примечание): Il achève (Montesquieu) de brouiller tout par les observations, qu'il ajoûte sur certaines circonstances et sur le physique du Climat, qu'il croit avoir fait des prodiges pour la Chine seule. Rien ne seroit donc plus aisé que de faire voir la frivolité de ses décisions.

«*Il est aisé de traiter de frivole ce qu'on n'est pas à porté d'entendre; pour Vous en croire, il vous faudroit l'égalité de génie avec Mr. de M(ontesquieu)*».

Стр. 192 (примечание b): Dans le Liv. VI Chap. XV L'A(uteur, т.е. Montesquieu) dit que «sous les Empéteurs l'Empire Romain étoit devenu despotique et militaire». Il est vrai qu'il avoit remarqué dans un autre endroit (Liv. II. Chap. XVII), que «sous les bons

Empereurs l'Etat reprenoit ses principes, et que le thrésor de l'honneur suppléoit aux autres thrésors».

«*Cela n'est pas disputable*».

Стр. 192 (примечание d): Il n'est pas difficile de juger par les paroles qu'on trouve dans le Liv. XVII. Chap. IV, que «l'autre Royaume du Nord qui a perdu ses loix, ne peut être, dans l'idée d'A(uteur) que le Danemarck».

«*Mais il faut être bien ignorant pour ne pas savoir, que le Roi de Danemarck est Despotique, pouvoir qui lui a été donné par le consentement de se (sic) sujets il y a 100 ans*».

Стр. 193 (примечание): Charles XII étant à Bender³⁹, trouvant quelque résistance dans le Sénat de Suède, écrivit qu'il leur enverroit une de ses bottes pour les commander.

«*Charles*» подчеркнута, и на полях: «*Il n'y ait que sa soeur qui y renonce*».

Стр. 195—196 (примечание): Mais on n'a pas vu que ces Princes, dont la puissance étoit d'ailleurs sur son déclin, aient fait, ou pu faire la moindre altération dans le Gouvernement, et il est très certain que ce changement s'est borné au tître... Je crois ne pas mal faire d'ajouter ici une remarque assez singulière, que le Hardouin⁴⁰ a faite à ce sujet.

«*Voilà un homme à citer*».

Стр. 197—198: Je commencerai par prouver que le Gouvernement de Russie n'est pas un Gouvernement despotique proprement dit.

«*Monsieur dispute pour le nom, non pour chose*».

Стр. 201 (примечание): N'a-t-on pas vu de véritables Monarchies sans ce que nous appellons Noblesse, tout comme nous voyons actuellement cette Noblesse dans des Etats, où il n'y a point de Rois?

«*Où sont-elle*» (sic)?

Стр. 215—216: Pierre le Grand n'a donc jamais pensé à donner la moindre atteinte à la forme du Gouvernement, qu'il avoit trouvé établie dans cet Empire, et qui le mettoit à même d'opérer les merveilles, qui l'ont fait admirer de toutes les Nations, et qui passent de loin les effets d'un pouvoir limité.

Quant à ce que l'A(uteur, т.е. Montesquieu) soûtient, tantôt que, malgré l'industrie avec laquelle le Gouvernement Russien cherche à descendre de son Despotisme, il ne le peut; tantôt que des causes particulières pourroient y ramener l'espèce de Gouvernement, qu'il y suppose actuellement; j'avoue que je n'y comprends rien. Les oracles ne s'énonçoient pas avec plus d'obscurité.

«*Cependant cela n'est pas obscur*».

Стр. 216: Quand il dit ailleurs: qu'un autre Royaume du Nord «ait perdu ses loix; on peut s'en fier au climat, il ne les a pas perdues d'une manière irrévocable; on ne peut s'y tromper». Ce sont les influences du Septentrion, ou plutôt la nature du froid, etc.

«*Notre refuteur mérite uniquement ce titre, mais il n'a ni talens ni savoir ni expérience et il est très indigne de ce (sic) mesurer contre Mr. de M. et s'il n'osoit dire ce qu'il pense que prouveroit-il?*»

Стр. 216–218... A l'égard de la Russie, non seulement les causes les plus efficaces, auxquelles l'A. attribue le Despotisme, le Climat chaud, p. e. une Religion, qui comporte la violence, le manque de loix, de Tribunaux et de Noblesse, l'abattement et la timidité des peuples, la dureté, la mollesse et l'incapacité des Princes et de leurs Ministres; n'y existent point. Mais encore tout ce qui, selon lui, s'oppose à cette espèce de Gouvernement: le Climat du Nord, la Religion Chrétienne, les Loix, les Magistrats, la Noblesse, l'intrépidité des peuples, la débonnairété, la valeur et les lumières des Souverains, l'habileté de leurs Ministres; s'y voit actuellement.

Подчеркнуты слова: «*une Religion, qui comporte la violence*»... «*l'abattement et la timidité... la mollesse et l'incapacité... de leurs Ministres... n'y existent point... l'habileté de leurs Ministres... s'y voit actuellement*».

Стр. 218–220: L'A(uteur, т.е. Montesquieu) affirme, qu'«en Russie le peuple n'est composé que d'esclaves attachés aux terres et d'esclaves qu'on appelle Ecclesiastiques, ou Gentilshommes, parce qu'ils sont seigneurs de ces esclaves». D'où il conclut qu'«il ne reste personne pour le Tiers-Etat, qui doit former les ouvriers et les marchands».

«*Pierre le Grand tâchoit de former ce Tiers-Etat*».

J'ai déjà prouvé d'une manière incontestable la réalité de la différence qu'il y a dans cet Empire, comme dans tous les autres Etats, où la servitude subsiste, entre les personnes libres et les serfs. Il suffira donc de faire voir que la Noblesse y est précisément ce qu'elle est par sa nature partout où elle se trouve; que ce sont les prérogatives et les droits particuliers, qu'elle tient des Souverains, qui la distinguent des serfs et du Tiers-Etat...

...que la Noblesse Russe n'a jamais été dépouillée de ses droits, et qu'enfin les villes et les bourgs de ce pays fourmillent d'ouvriers, de marchands et de différentes espèces de personnes, qui ne sont comprises ni dans la Noblesse, ni dans le Clergé.

Подчеркнуты слова: «*Qui la distinguent des serfs et du Tiers-Etat*» (с вопросом на поле: «*En quoi?*») — «*que la Noblesse Russe n'a jamais été dépouillée de ses droits*» (с вопросом на поле: «*Mais quels sont-ils?*») — «*fourmillent d'ouvriers*» (с восклицанием: «*Morbleu! ce sont donc des serfs ou des affranchis ou des déserteurs*»).

Стр. 226: Струбе приводит сличение терминов: *gentillesse* (старинное), *noblesse*, *nobles hommes*, *gentry* (английское).

«*L'étimologie et les citations à tort et à travers sont le fond de notre homme, mais il est plus faible dans les raisonnemens politiques, encore plus dans les conclusions*».

Стр. 229: Il est donc indubitable que les Knias et les Dvorianin ont joui ici, dès rétablissement de la Monarchie, comme ils le font encore actuellement, de tous les droits et de toutes les prérogatives, que donne la Noblesse par elle-même, et que sous ce regard ils se trouvent exactement au niveau des vrais Nobles de tous les autres Etats, où l'on en connoît.

Подчеркнуто: «*de tous les droits et de toutes les prérogatives*», с вопросом на полях: «*Mais où sont-elles?*»

Стр. 231–232 (примечание): Liv. XVII. (Chap. V. Si Mr. de M(ontesquieu) avoit dit que dans les pays du Nord la connoissance et le voisinage des Etats modérés peuvent inspirer l'envie de les imiter: au lieu que dans les pays méridionaux l'éloignement et l'ignorance de ces mêmes Etats empêchent d'y penser; il auroit dit, selon moi, quelque chose de beaucoup plus spécieux.

«*Voilà le premier mot raisonnable du livre*».

Стр. 249–250: Je ne dissimulerai point que les inductions, que Mr. de M. a tirées de la force du Climat m’ont paru également injurieuses et frivoles. Que peut-on penser lorsque d’un côté cet Auteur pose en fait que «les peuples Asiaticques et méridionnaux sont “paresseux, timides, efféminés et faits par la “nature pour le Gouvernement despotique”»; ...quand d’un autre côté on lit dans des Relations dignes de foi que les Tartares, les Turcs, les Arabes, les Mores, etc., sont vaillans, infatigables, opiniâtres et mutins, que Mustapha II⁴¹ a été juridiquement déposé...

«Mais le desespoir fait agir les plus timides».

В начале и конце книги, на белых листках переплета, Екатерина сделала свои общие замечания.

В начале — впечатление от целого сочинения:

La cause est mauvaise.

La dispute scholastique.

Le commencement du livre ennuyeux.

Le milieu très foible.

La fin passable.

Первая фраза означала, без сомнения, то, что Екатерина осуждала самое намерение автора, как претензию посредственного человека критиковать столь великого писателя, каким был в ее глазах Монтескье. В самих заметках на полях не однажды высказалось пренебрежительное отношение к критику.

В конце, на свободном листке переплета, Екатерина изложила свои мысли о самом существе вопроса, — о форме правления, наиболее подходящей для России. Приводим ее строки в подлиннике*:

«Un Grand Empire comme celui de Russie se détruiroit, s’il y étoit établie une forme du Gouvernement autre que Despotique, parce que c’est le seul qui peut remédier avec promptitude nécessaire aux besoins des Provinces éloignées, toute autre forme détruisant par les longueurs cette activité, qui donne la vie à tout. Ainsi prions seulement Dieu qu’il nous donne toujours des maîtres raisonnables,

* Исправляя только неправильности правописания.

qui se conforment aux Loix et n'en fassent qu'après mûr examen et uniquement en vuë du bien de leurs sujets».

Как выше замечено, в книжке нет никаких определенных указаний на то, когда она могла быть читана Екатериной и когда могли быть составлены эти заметки. Остается руководиться общим тоном и впечатлением. Прежде всего нам кажется, что заметки писаны тогда, когда Екатерина сама еще не была обладательницей власти над «великой империей»: нет указаний на какой-либо собственный правительственный опыт. Нет, далее, следа, чтобы Екатерина теперь уже видела в Монтескье своего политического учителя, как то было по ее воцарении. Внешние обстоятельства также указывали бы на раннюю пору этого чтения. Екатерина узнала Монтескье еще в свои самые юные годы; граф Гилленбург так настойчиво рекомендовал ей этого писателя, что, без сомнения, когда она доставала его книги, читала его внимательно. Когда вышли «Lettres Russiennes», невероятно, чтобы Екатерина не узнала о книжке, направленной против «Esprit des Loïs» и появившейся рядом, в самом Петербурге. Вероятно, что тогда же, в 1760, она читала эту книжку и писала свои замечания.

Таким образом, эти критические заметки на «Lettres Russiennes» могли быть первым опытом Екатерины II в изучении Монтескье и в размышлениях о политических предметах. В заметках видна уже ревностная почитательница знаменитого писателя; взгляды ее уже очень решительны: она нетерпеливо встречает критические неодобрения, даже негодует на автора книжки; некоторые мнения она считает прямо «позорными». Биограф Струбе рассказывает, что в 1767 году, в разгар вопроса о Комиссии для сочинения нового уложения, Струбе думал предложить императрице свои услуги (в качестве юриста и специалиста по естественному праву), но предложением, видимо, не воспользовались*. И в этом, быть может, участвовало старое нерасположение к критику Монтескье.

Что замечания к «Lettres Russiennes» относились ко времени до воцарения, можно думать вообще по ее отношению к вопросам правления и учреждений, как крепостное право. К последнему,

* Пекарский, I, стр. 687—688.

именно к его практическому применению, она и потом (как напр. в «Мемуарах») относилась нередко со строгим осуждением, — но, вступив на престол и встретившись в деле с прочно утвердившимся дворянским бытом, она сделала ему уступку. Что касается правления, то в эпоху полемики с аббатом Шаппом⁴² она, похоже на то, как в «Lettres Russiennes», весьма настойчиво опровергает его определение русской формы правления, как деспотизма, и старается, сколько возможно, смягчить картину русских учреждений и нравов ее времени.

А. Н. Пыпин

Екатерина II и Монтескье

Печатается по: Пыпин, А. Н. Екатерина II и Монтескье // Вестник Европы. — 1903. — №3. — С. 272–300.

¹ Существует несколько редакций «Мемуаров» Екатерины II, на французском языке. Основные редакции начаты преимущественно в 1770-е и доработаны в 1790-е гг., кроме того разные редакции обращены к разным лицам (графине Брюс, которой можно «все сказать, не опасаясь последствий»; барону Черкасову, чтобы «вызвать у него взрыв смеха и доставить удовольствие»; будущему Павлу I — «Его Императорскому Высочеству, Цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, любезному сыну моему»). Как следствие, созданные в них собственные портреты и портреты ее ближайшего окружения (Елизавета Петровна, Петр III) не идентичны. Долгое время был известен только текст наиболее поздней адресованной Павлу Петровичу, редакции, относящейся к последним годам царствования Екатерины II. Эта редакция обращалась в списках (копию ее имели, например, кн. А. Б. Куракин, А. И. Тургенев, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин), пока не попала за границу, в руки А.И. Герцена, который и обнаружил ее. Книга была издана в Лондоне в 1859 г. с предисловием Герцена, и с тех пор в историографии бытовал образ Екатерины II, сформированный на основе этого текста. Тогда же текст был издан в переводе на русский, немецкий и английский языки, и получил широкое распространение в Европе. Позднее, в начале XX в. академик А.Н. Пыпин, занимавшийся в то время исследованием мистического движения конца XVIII – начала XIX вв., остановился на трудах императрицы Екатерины II и, разбирая ее бумаги, хранившиеся в Государственном Архиве министерства иностранных дел и в Собственных Его Императорского Величества Библиотеках, обнаружил массу ранее неизвестного материала – автографы различных редакций «Мемуаров» и относящихся к ним исторических воспоминаний и заметок императрицы. Эта находка позволила А. Н. Пыпину сделать заключение о том, что лондонское издание не только представляет собой едва ли половину целого состава памятника, но и не вполне соответствует автографу. Кроме того, существуют русские «Записки» Екатерины II («Записки на русском языке»). Результатом находки А. Н. Пыпина стала академическая публикация «Мемуаров» и подготовительных материалов ко всем редакциям («Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина». Т. 12: Автобиографические записки. — СПб., 1907).

² См. выше примеч. 1.

³ «Сравнительные жизнеописания», наиболее известное сочинение древнегреческого писателя и философа Плутарха (ок.46 – ок.127), в котором даются параллельные биографии выдающихся политических деятелей

Греции и Рима. Их замечательные судьбы призваны служить образцом, вызывая стремление подражать добродетели и презирать пороки.

⁴ «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян» – см. примеч. 2 к статье З.И. Гершковича.

⁵ *Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, граф* (1693–1766) — российский государственный деятель и дипломат. Заняв должность вице-канцлера в 1741 г., руководил внешней политикой Российской империи. Его внешнеполитическая программа была направлена на укрепление союзнических отношений с государствами, традиционно имевшими общие с Россией интересы – Англией, Голландией, Австрией, в то время как Франция, Швеция, Османская империя и Пруссия расценивались как основные дипломатические противники России. Не пользуясь симпатией императрицы Елизаветы Петровны и имея многочисленных противников при дворе, Бестужев сблизился с молодым двором, в частности, с великой княгиней Екатериной Алексеевной (будущей Екатериной II), через которую вел политическую переписку. По официальной версии, разрабатывал план выдвижения Екатерины Алексеевны в ущерб назначенному императрицей наследнику престола Петру Федоровичу (Петру III). В феврале 1758 г. Бестужев был арестован и сослан в свое подмосковное имение, лишившись всех чинов, званий и орденов. Был восстановлен во всех правах и произведен в генерал-фельдмаршалы Екатериной II после ее восшествия на престол в 1762 г.

⁶ *Гийом Тома Рейналь* (1713–1796) — французский писатель, идеолог Просвещения. Получил религиозное образование в иезуитском коллеже, но в конце 1740-х гг. оставляет карьеру священнослужителя, чтобы посвятить себя философии и истории, сближается с энциклопедистами. С 1750 по 1754 гг. руководил изданием журнала «*Mercure de France*». Получил широкую известность как автор шеститомной «Философской и политической истории учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях», вышедшей анонимно в 1770 г. в Амстердаме. Книга сочетала в себе обширные практические сведения из истории развития торговли и пространные философские размышления, суть которых сводилась к обличению рабства и колониализма. В течение некоторого времени книга была в свободном обращении, выдержала несколько изданий, но в 1781 г. была осуждена на сожжение, Рейналь был вынужден бежать. В 1787 г. ему было разрешено вернуться во Францию. Снискав благодаря своему основному труду репутацию смелого философа, предвестника Французской революции, в революционный период Рейналь отступает от своих идеалов (см., напр., его «Обращение к Национальному собранию», 1791).

⁷ *Фридрих Мельхиор Гримм* (1723–1807) — немецкий публицист и дипломат. Со времени водворения в Париже в 1749 г. сблизился с энциклопедистами, в т.ч. сотрудничал с «Энциклопедией» Дидро и д’Аламбера. С 1753 по 1792 гг. выпускал «*Correspondance littéraire, philosophique et critique*» известный рукописный журнал эпохи Просвещения, в котором освещались новости культурной жизни Парижа, в частности обсуждались

литературные и театральные новинки. Журнал, выпускавшийся в полутора десятках экземпляров, распространялся по подписке среди коронованных и титулованных особ Европы. В числе подписчиков были шведский король Густав III, императрица Екатерина II, польский король Станислав Август Понятовский. Помимо самого Гримма, авторами «Correspondance littéraire» выступали Д. Дидро, аббат Рейналь, г-жа д'Эпине и др. Дважды был в России (в 1773 г. и 1776–1777 гг.). Состоял в переписке с Екатериной II с 1764 по 1796 гг. Переписка была впервые опубликована известным филологом Я. К. Гротом в XXIII (1878), XXXIII (1881) и XLIV (1885) томах «Сборника Императорского Русского исторического общества». Гримм выступал основным посредником между Екатериной II и Западом, прежде всего в области искусства, выполняя поручения императрицы по приобретению художественных произведений, книжных собраний и пр. После смерти Екатерины II сохранил расположение русского двора. В 1796–1798 гг. был чрезвычайным посланником Российской империи в ряде немецких городов

⁸ *Альбер Сорель* (1842–1906) — французский историк. Основной областью научных интересов Сореля была эпоха Французской революции, которой посвящено фундаментальное сочинение «Европа и Французская революция» в 4 т. (1885–1892). Этюд о Монтескье (Sorel, A. Montesquieu. Paris : Natchette, 1887) был написан для коллекции «Grands écrivains français». В книге представлена психологическая характеристика писателя, обрисован историко-культурный контекст, даны критический разбор основных произведений и оценка наследия Монтескье в исторической и политической науке. Русский перевод книги, осуществленный под редакцией П.Г. Виноградова, вышел в 1898 г.

⁹ *Фридрих Кристоф Шлоссер* (1776–1861) — немецкий историк. С 1817 г. занимал кафедру истории в Гейдельбергском университете. Наиболее значительны его труды «Всемирная история» в 18 т. (1844–1856) и «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения французской империи с особенно подробным изложением хода литературы» в 2 т. (1823, последующие издания постепенно пополнялись, наиболее полное издание насчитывает 8 т.). Структура этих работ очень неоднородна, что объясняется тем, что разные их части составлялись в разное время, при этом некоторые представляют собой специальные исследования, другие — переработку университетских курсов. Существенным достоинством работ было включение в историческое исследование экскурсов в историю литературы, что представляется новаторским для своего времени решением. Вместе с тем, оценки фактов литературной истории и отдельных ее представителей субъективны и зачастую чересчур категоричны.

¹⁰ *Жак Бенинь Боссюэ* (1627–1704) — французский церковный деятель, писатель. С 1681 г. занимал епископскую кафедру в Мо, защищая в своих сочинениях и проповедях католическую религию. Был ревностным сторонником провиденциализма. В его книге «Рассуждение о всеобщей истории» (1681) последовательно разрабатывается и обосновывается идея о воле бога как первичной причине и единственной движущей силе истории.

Аналогичная концепция философии истории реализуется в его основном политическом трактате «Политика, извлеченная из Священного Писания» (опубликованном посмертно в 1709 г.). Рассматривая историческое развитие как осуществление божественной воли, Боссюэ доказывал, что королевская власть исходит от Бога, чем объясняется ее превосходство над другими формами правления.

¹¹ *Жан Батист Луи Кревье (1693–1765)* — французский историк. Был учеником знаменитого Ш. Роллена, впоследствии занимал должность профессора риторики в коллеже Бове. Приоритетной областью его интересов была древняя история. Согласно завещанию своего учителя, составил продолжение его «Римской истории». Результатом этой работы стала 12-и томная «История римских императоров (1749–1755)». Также выступил с критикой Монтескье в «Замечаниях на книгу “О духе законов”» (1764), которая вызвала суровую критику Вольтера. Книга Кревье была нацелена на то, чтобы указать «неточности в изложении исторических фактов и трактовке текстов», а также «ложные принципы в вопросах метафизики, морали и религии» (см.: Samy Ben Messaoud, Les “Observations” de Crevier sur “L’Esprit des lois”, Studi Francesi, 161 (LIV/II) 2010, p. 221–231).

¹² *Шарль Огюстен Сент-Бёв (1804–1869)* — французский литературный критик. Эссе о Монтескье, написанное в 1852 г., было опубликовано в сборнике «Беседы по понедельникам». См.: Sainte-Beuve, C.A. Montesquieu, Causeries du lundi. Vol. 7. Paris : Garnier, 1853. P. 41–84..

¹³ *Блез Паскаль (1623–1662)* — французский ученый, литератор и философ. Ему принадлежит ряд фундаментальных открытий в области математики и физики, в частности изобретение первых образцов счетной техники («паскалина»), открытие основного закона гидростатики («закон Паскаля»), им закладываются основы теории вероятностей. После 1654 г. отходит от систематических занятий наукой и обращается к религиозной философии. В частности, включается в полемику янсенистов против иезуитов, в ходе которой были созданы знаменитые «Письма к провинциалу», опубликованные анонимно в 1656–1657 гг. Книга, положившая начало общественному движению против ордена иезуитов, была внесена в «Индекс запрещенных книг». Философско-религиозные идеи Паскаля нашли выражение в его основном труде «Мысли о религии и о некоторых других предметах» (1670), впоследствии называемом «Мысли». Книга представляет собой серию разрозненных фрагментов, направленных преимущественно на защиту христианской религии и критику атеизма, но содержащих также оригинальные суждения Паскаля о человеке (идея о том, что человек велик в своей слабости), разуме (идея о противоречии между разумом и сердцем) и т. д.

¹⁴ *Абель Франсуа Вильмен (1790–1870)* — французский писатель, историк литературы. Имел успешную университетскую карьеру, начавшуюся в 1810 г. с назначением адъюнкт профессором по кафедре словесности в лицее Карла Великого. Трижды удостоивался премии за красноречие, присуждаемой Французской Академией, в т.ч. в 1816 г. — за «Похвальное

слово *Монтескье*». См.: *Villemain, A.F. Éloge de Montesquieu. Paris : F.Didot, 1817.* В 1821 г. был избран членом Французской Академии, а с 1834 г. исполнял должность ее неперменного секретаря. Вместе с тем, Вильмен играл заметную политическую роль, в частности на посту министра народного просвещения, который он занимал с 1839 по 1844 гг.

¹⁵ «Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения» — сочинение императрицы Екатерины II, представленное членам Комиссии по разработке нового уложения взамен «Соборного уложения» 1649 г. Уложенная комиссия начала работу 30 июля (10 августа) 1767 г., тогда же был опубликован текст «Наказа» в XX главах (в последующих изданиях текст публиковался в XXII главах). Сочинение предназначалось для использования членами Комиссии в качестве руководства, в котором излагались взгляды Екатерины II на способы преобразования политического устройства и законодательства Российской империи, «коиными бы народ Российский, сколько возможно по человечеству, учинился в свете благополучнейшим» (ст. 521). Текст издания 1767 г., являющегося первым официальным изданием «Наказа», написан на русском языке, между тем он представляет собой перевод с французского языка, на котором была написана первоначальная версия. Основными источниками, послужившими для составления «Наказа», были трактат Ш.-Л. Монтескье «О духе законов» и, в меньшей степени, трактат «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа. Из трактата Монтескье заимствовано не менее 293 из 526 статей «Наказа». Об источниках «Наказа» см.: Чечулин, Н. Д. Источники «Наказа» // Журнал Министерства Народного просвещения, март-апрель — 1902. — С. 279–290; Brown, A. H. S. E. Desnitski, Adam Smith, and the «Nakaz» of Catherine II // *Oxford Slavonic Papers. New Series.* 7. — 1974. — P. 51–59; Plavinskaja, N. Y. Catherine II ébauche le «Nakaz»: premières notes de lecture de «L'Esprit des lois» // *Revue Montesquieu.* — 1998. — № 2. — P. 67–88; Плавинская Н. Ю. Новые сведения о французских источниках «Наказа» Екатерины II // *Россия и Франция. XVIII-XX века. Вып.2.* — М.: Наука, 1998. — С. 8–19. Многие идеи, изложенные в «Наказе», встретили сопротивление членов Комиссии, не найдя практического применения. Новое Уложение создано не было, Комиссия была распущена. В XVIII в. «Наказ» был переведен на девять языков, в т.ч. на восточноевропейские языки.

¹⁶ *Василий Григорьевич Баскаков* (1728–1772) — коллежский советник, депутат Уложенной Комиссии 1767 г. от «Канцелярии опекунства иностранных» (учреждена в 1763 г. для устройства иностранных колонистов) и от дворянства г. Судиславля (Костромская губ.). На заседаниях Комиссии принимал деятельное участие в прениях, придерживаясь сдержанной позиции большинства членов, которые одинаково не принимали просветительских идей Екатерины II, расценивавшихся как крайне либеральные, и идей ее идеологических противников, придерживавшихся традиционного курса (кн. М.М. Щербатов).

¹⁷ *Александр Петрович Сумароков* (1717–1777) — российский поэт, драматург и литературный критик. Автор нескольких десятков пьес (коме-

дий и трагедий), написанных в русле эстетики французского классицизма. В 1756–1761 гг. руководил первым постоянным публичным театром России (ныне Александринский театр в Санкт-Петербурге). В течение 1759 г. издавал «Трудолюбивую пчелу», первый российский частный журнал, посвященный литературе. Поддерживал Екатерину II с момента ее воцарения в 1762 г. и в дальнейшем пользовался ее покровительством и доверием. По случаю коронации Екатерины II им была составлена «Речь на день Коронавания Ея Величества Императрицы Екатерины II», в которой он призывал императрицу к реформированию законодательства. В 1767 г. Екатерина II направила Сумарокову на рецензию свой «Наказ», но осталась недовольна его замечаниями. Попытки играть самостоятельную роль в политических делах стали поводом к конфликтам с императрицей и литературной опале.

¹⁸ *Мари Терез Роде, г-жа Жоффрен (1699–1777)* — светская дама, «подруга философов». С 1749 по 1777 гг. держала салон на ул. Сент-Оноре, где собиралось блестящее общество представителей артистического и учебного мира Парижа. Жизнь салона была подчинена особому распорядку: по понедельникам г-жа Жоффрен давала обеды для артистов, по средам — для философов и литераторов. Несмотря на свое происхождение из буржуазных кругов, г-жа Жоффрен пользовалась значительным авторитетом и уважением у своих именитых гостей, среди которых были Монтескье, Фонтенель, Мариво, Гельвеций, Сен-Ламбер, Мармонтель, Даламбер, Гольбах, Гримм. Сочувствуя идеям Просвещения, она на протяжении многих лет выделяла денежные средства на издание «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. Все-европейская слава салона обеспечила его хозяйке связи с известными иностранцами, в т.ч. с коронованными особами. Она поддерживала дружеские связи с Густавом III и, в особенности, со Станиславом Августом Понятовским, с которыми вела продолжительную переписку. Особенно примечательна ее переписка с Екатериной II. После восшествия на престол Екатерина II, ища расположения в среде французских просветителей, нашла посредника в лице влиятельной хозяйки парижского литературного салона, имевшей давнее знакомство с матерью российской императрицы. Знакомство это состоялось задолго до того времени, от которого ведет свое начало существование салона на ул. Сент-Оноре, при посредничестве российского посла в Париже князя А.Д. Кантемира. Между Екатериной II и г-жой Жоффрен установилась регулярная переписка, которая продолжалась вплоть до самой смерти г-жи Жоффрен в 1777 г. Екатерина II дорожила этой перепиской, в которой допускала даже обсуждение деликатных политических вопросов.

¹⁹ *Чезаре Беккариа (1738–1794)* — итальянский мыслитель, правовед. Трактат «О преступлениях и наказаниях», опубликованный в 1764 г. и в последующие годы переведенный на все основные европейские языки (первый русский перевод выполнен Дмитрием Языковым в 1803 г.), имел широкий резонанс и оказал положительное воздействие на развитие уголовного законодательства в странах Европы эпохи Просвещения. В трактате обосновывался принцип соразмерности между преступлением и наказанием, которое мыслится е как отпущение за совершенное преступление, но как

средство исправления преступника и предупреждения ущерба, который он может нанести обществу. В частности, Беккариа одним из первых выступил против применения пыток и озвучил необходимость отмены смертной казни. В 1766 г. был приглашен в Россию Екатериной II, но поездка не была осуществлена.

²⁰ *Пьер Поль Мерсье де ла Ривьер (1719–1792)* — французский экономист, представитель школы физиократов. Стал широко известен после публикации в 1767 г. его труда «Естественный и необходимый порядок общественных учреждений», где он обосновывал необходимость сильной абсолютистской власти, единственно способной обеспечить успешное реформирование общества. В том же году получил приглашение от Екатерины II, намеревавшейся привлечь его к работе над редактированием «Наказа». Прибыв в Россию по рекомендации Д. Дидро и кн. Д.А. Голицына, представил императрице проект полного реформирования российского законодательства, который предполагал осуществить в двухгодичный срок и с большой долей собственного участия в управлении. Со скандалом выдворен из страны. См.: Строев А.Ф. Авантюристы Просвещения: «Те, кто поправляет фортуна». — М.: НЛЮ, 1998.

²¹ *Христиан Томазиус (1655–1728)* — немецкий философ и юрист. Выступал продолжателем идей Г. Гроция и С. Пуффендорфа, примкнув к школе «чистого естественного права», представители которой признавали природное, разумное начало (а не абстрактную божественную волю) высшей инстанцией в делах правосудия. При его деятельном участии в 1694 г. был основан университет в Галле. Новаторским было использование в сочинениях и лекциях немецкого языка вместо академической латыни. Выступал против авторитетов древности и схоластических методов, а также против таких пережитков средневековья, как процессы о колдовстве, пытки и пр.

²² *Иоганн Альбрехт Корф, барон (1697–1766)* — российский дипломат, президент Петербургской академии наук. Занимая должность президента академии с 1734 по 1740 гг., содействовал укреплению ее статуса как учебного и научного учреждения. В частности, было обеспечено пополнение академической библиотеки, расширен штат академии за счет привлечения именитых иностранных ученых, учреждены особые департаменты (Географический департамент, созданный с целью географического и картографического изучения России; Российское собрание, имевшее целью «очищение и усовершенствование русского языка»).

²³ *Иоганн Симон Бекенштейн (1684–1742)* — немецкий правовед, состоял на русской службе в должности профессора правоведения при Петербургской академии наук. Увлекался изучением геральдики. Является автором изображения для академической печати, составленного в 1734 г. по поручению президента академии И.А. Корфа (в настоящее время этот символ является гербом СПбГУ).

²⁴ *Петр Григорьевич Чернышев, граф (1712–1773)* — российский дипломат, сенатор. Представлял Российскую империю при различных

европейских дворах: в 1741 г. состоял посланником в Дании, с 1741 по 1746 гг. — в Пруссии, с 1746 по 1755 гг. — в Великобритании, с 1760 по 1762 гг. — во Франции.

²⁵ *Василий Иванович Лебедев* (1716–1771) — переводчик. Состоял переводчиком при Петербургской академии наук с 1740 г. Основные переводы: «Сокращение грамматики латинской» (1746), «Жития славных генералов» Корнелия Непота (1748), «Описание Сибирского царства» Г.-Ф. Миллера (1750). Переводил также внутреннюю документацию академии. Некоторые его переводы не были опубликованы (напр., по оценке М.В. Ломоносова, «Сокращенная экспериментальная физика» М.Г. Лёшера как сама по себе, так и «в рассуждении перевода ... очень неисправна», и потому не была рекомендована к публикации).

²⁶ *Иоганн Даниель Шумахер* (в рус. традиции — *Иван Данилович*) (1690–1761) — немецкий ученый, состоял на русской службе. Прибыл в Петербург по приглашению Ф. Лефорта в 1714 г. В 1721–1722 гг. находился в Европе с поручением Петра I приобрести новые книги для Петербургской библиотеки (впоследствии вошла в состав библиотеки Петербургской академии наук), завязать контакты с европейскими учеными с целью их приглашения в Россию и т.д. С момента основания академии наук в 1724 г. занимал должность секретаря, в его ведении находились библиотека и кунсткамера, а затем и вся академия вплоть до 1757 г.

²⁷ *Николай Васильевич Калачов* (1819–1885) — российский юрист, историк, архивист, археограф, профессор истории русского права. В подлинниках изучал древние русские акты, в частности различные редакции и списки «Русской правды», древнейшего памятника славянского права. В 1846 г. были опубликованы «Предварительные юридические исследования для полного объяснения “Русской правды”», написанные для получения степени магистра. В первом разделе книги дается «разбор изданий и сочинений, относящихся к Русской правде», где Струбе де Пирмонт упоминается в числе первых законоведов, использовавших «Русскую правду» для «ученого рассуждения о древних законах нашего отечества».

²⁸ *Август Людвиг Шлёцер* (1735–1809) — немецкий историк, статистик и публицист, состоял на службе при Петербургской академии наук. В 1761 г. по приглашению Г.Ф. Миллера прибыл в Россию, где занимался изучением русского и церковно-славянского языков и древнерусской истории, в частности летописных источников. Ему принадлежит первое печатное издание «Русской правды» («Правда Русская, данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича», 1767), издание Никоновской летописи («Русская летопись по Никонову списку. Ч. I: до 1094 года», 1767), фундаментальный труд по истории Киевской Руси «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные» в 5 т. (1802–1809) и др. сочинения и переводы, относящиеся к истории России. В вопросе о происхождении Руси придерживался норманской теории. В его работах идея о

скандинавском происхождении древнерусской княжеской династии была дополнена тезисом об отсутствии государственности у восточных славян до прихода скандинавов.

²⁹ *Герхард Фридрих Миллер* (в рус. традиции — *Федор Иванович*) (1705–1783) — немецкий и российский историограф. Прибыл в Россию в 1725 г. С 1730 г. занимал должность профессора истории Петербургской академии наук. В 1733–1743 гг. работал в составе Второй Камчатской экспедиции, в ходе которой собирал материалы по истории освоения, археологии, этнографии, топонимике края. Коллекция архивных документов, добытых в ходе десятилетнего пребывания в Сибири, составляет 258 «портфелей Миллера». Результатом изысканий стал капитальный труд по истории Сибири, впервые изданный в русском переводе В.И. Лебедева в 1750 г. под не принадлежащим автору названием «Описание Сибирского царства» (II том печатался лишь в отрывках в журнале «Ежемесячные сочинения», III том оставался целиком в рукописи). Был одним из авторов норманской теории, положения которой были развиты в диссертации «Происхождение народа и имени российского», сочиненной к публичной ассамблее 1749 г. Ряд академиков (М.В. Ломоносов, С.П. Крашенинников, Н.И. Попов) выступили с осуждением диссертации за высказанное в ней мнение о создании русского государства скандинавами-варягами. В течение года на собраниях Академии наук шло разбирательство по диссертации. Впоследствии работа была запрещена, а отпечатанный тираж был уничтожен за исключением трех экземпляров, которые по приказу канцелярии Академии наук хранились в «секретной камере». В результате академических распрей Миллер был разжалован в адъютанты с понижением жалованья, но вскоре прощен.

³⁰ *Жан Боден* (1529 или 1530–1596) — французский политический мыслитель, юрист. Известен как автор трактата «Шесть книг о государстве» (1576). Разработал концепт суверенитета как единой и неделимой верховной власти в государстве. Предлагал классификацию форм правления в соответствии с принадлежностью власти всему народу (демократия), отдельной части народа (аристократия) и одному человеку (монархия). В изложении своей политической теории опирался на исторический метод. Был сторонником географического детерминизма, полагая, задолго до Монтескье, что климат оказывает решающее воздействие на общественное устройство и политические институты той или иной страны.

³¹ *Гуго Гроций* (1583–1645) — голландский юрист, политический и религиозный мыслитель, писатель, государственный деятель. Мировую известность приобрел благодаря сочинениям в области права: «О праве войны и мира» (1625), «Введение в голландскую юриспруденцию» (1631). Ему также принадлежит ряд богословских сочинений и библейских комментариев: «Об истине христианской религии» (1627), «Примечания к Новому и Ветхому заветам» (изд. 1642–1650) и др.; а также сочинения по истории: «О древности и строе Батавской республики» (1610), «Анналы и история о бельгийских делах» (изд. 1657) и др. В своем главном труде «О праве войны и мира» обосновал принципы, легшие в основу современного

международного права. Исходил из идеи обязательности соблюдения норм права как необходимом условии для мирного и разумного устройства общежития. Развивал принципы естественного права, основанного на здравом смысле и являющегося общим и обязательным для всех людей и народов.

³² *Джон Локк* (1632–1704) как политический писатель, выступал за справедливое политическое устройство, основанное на естественном праве, был сторонником идеи государственной власти как общественного договора. Политические идеи изложены в труде «Два трактата о правлении» (1689). Придавая исключительную значимость воспитанию, разрабатывал педагогические идеи, которые составили трактат «Некоторые мысли о воспитании» (1693). Идеи Локка выступили философской базой Просвещения, оказав влияние на Вольтера, Руссо и др.

³³ *Гислен Бусбек де Ожье* (нид. *Ogier Gisleen van Busbeke*, фр. *Ogier Ghiselin de Busbecq*) (1522–1592) — фламандский ученый-энциклопедист, дипломат. С 1554 г. занимал должность посланника Фердинанда I в Константинополе, при дворе султана Сулеймана I. В 1581 г. были опубликованы его «Турецкие письма», являющиеся ценным источником сведений об Османской империи XVI в. В частности, в работу вошли результаты его изысканий о крымско-готском языке. Во время своей посольской миссии собрал коллекцию греческих рукописей, медалей, монет и др., а также вывез в Европу некоторые виды животных и растений (тюльпан, сирень).

³⁴ *Никколо Макиавелли* (1469–1527) – итальянский политический деятель, мыслитель и писатель. Состоял на государственной службе во Флорентийской республике, в течение 14 лет ездил с посольствами в различные итальянские государства, Францию и Священную Римскую империю, вел дипломатическую переписку. После отстранения от дел занимался преимущественно литературной работой. Ему принадлежит ряд значительных трудов по политике, военному делу, истории: «О военном искусстве» (1521), «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия» (1531), «Государь» (1532), «История Флоренции» (1532) и др. В «Государе» выступал за сильную единоличную власть, допускающую любые методы, даже предосудительные с точки зрения общественной и церковной морали, для достижения политической цели. По Макиавелли, только такой государь способен объединить раздробленную Италию в сильное национальное государство. В других сочинениях, напр., в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», доказывал преимущества республиканского строя.

³⁵ *Сулейман I Великолепный* (1494–1566) — султан Османской империи с 1520 по 1566 гг. С его именем связан наибольший расцвет Османской империи. Особенно примечательны преобразования в области законодательства и культуры.

³⁶ Речь идет о различных подразделениях конной гвардии в Османской империи.

³⁷ *Янычары* — регулярная пехота в Османской империи. С момента основания в XIV в. мощный янычарский корпус комплектовался из захваченных

во время походов на Балканы детей христианского вероисповедания, с начала XVI в. практика набора детей в янычары стала одной из обязательных повинностей христианского населения империи.

³⁸ *Дарий I Великий* — персидский царь, правивший с 522 по 486 гг. до н. э.

³⁹ *Бендеры* — город в Османской империи (с 1538 по 1812 гг.). После поражения шведских войск в Полтавской битве 27 июня (8 июля) 1709 г. Карл XII вместе со своим союзником гетманом Мазепой отступает в Бендеры, откуда продолжает осуществлять управление страной. Пребывание шведского короля в Бендерах продлилось до 1714 г.

⁴⁰ *Жан Гардуэн* (1646–1729) — французский ученый-иезуит. Его взгляды формировались в атмосфере возрождающегося интереса к традициям скептицизма, которым отмечена французская философская мысль XVI–XVII вв. (М. Монтень, П.Д. Юэ, П. Бэйль). Ставил под сомнение аутентичность произведений искусства древности. В частности, в своих трудах обосновывал тезис о том, что большинство произведений античных авторов (кроме сочинений Цицерона, Плиния, «Георгик» Вергилия и «Сатир» Горация) были созданы лишь в XIII в. усилиями монахов, т.е. являются фальсификациями. Распространял свою теорию на древние монеты, надписи, писания отцов церкви, а также на материалы Церковных соборов. Проанализировав материалы всех Церковных соборов начиная с I в.н.э., пришел к выводу, что все соборы до Тридентского (1545) в действительности не существовали. Его критика, получившая название «система Гардуэна», вызвала ожесточенные нападки научного сообщества, многие его сочинения были запрещены. См.: Daniel, J. Watkins, Skepticism, Criticism, and the Making of the Catholic Enlightenment: Rethinking the Career of Jean Hardouin // *Journal of Jesuit Studies*. — 2019. — Vol. 6. — Issue 3. — P. 486–504.

⁴¹ *Мустафа II* — см. примеч. 20 к статье И. И. Мартынова.

⁴² *Жан Шапп д'Отрош* (1722 или 1728–1769) — французский астроном. В 1761 г. по поручению Парижской академии наук прибыл в Тобольск для наблюдения прохождения Венеры через диск солнца (способ определения расстояния между Солнцем и Землей). По возвращении из экспедиции, продолжавшейся 15 месяцев, в 1768 г. издал книгу «Путешествие в Сибирь», в которой дал критическое описание России. В книге содержались резкие выпады против политического устройства России с его опорой на крепостное право — главную причину нищеты и невежества народа. Сочинение Шаппа вызвало негодование Екатерины II. В 1770 г. вышло анонимное издание «Антидот, или Разбор дурной, великолепно напечатанной книги под заглавием: Путешествие в Сибирь по приказанию короля в 1761 г. аббата Шаппа д'Отероша», где было дано последовательное опровержение на аргументацию Шаппа. Уже современниками Екатерины II ее непосредственное участие в написании «Антидота» не подвергалось сомнению.